ДОНЪ И ДОНЦЫ

въ прежнее и нынѣшнее время

(изъ дорожныхъ записокъ кавказскаго офицера [1]).

1877 г.

I.

Прежнія и нынѣшнія средства путей сообщенія.—Первая казачья станица Каменская.—Собесѣдникъ въ вагонѣ и его разсказъ о настоящемъ состояніи Донской области.

. . . . . .

Въ 1877-мъ году довелось мнѣ вторично проѣхать по Донской области, при поѣздкѣ на Кавказъ.

Сколько перемѣнъ, сколько нововведеній произошло съ нашимъ югомъ въ послѣдніе два десятка лѣтъ! Въ 1851 году, Воронежъ отстоялъ отъ Москвы въ 70-ти часахъ хорошей почтовой ѣзды, а теперь, по существующей желѣзной дорогѣ, разстояніе это сокращено до 20 1/2 часовъ ѣзды. И путь отъ Воронежа до Новочеркаска прежде, на почтовыхъ, совершался отнюдь не менѣе какъ въ 70 часовъ, а теперь та же желѣзная дорога уменьшила его до 22-хъ часовъ. А

---

[1]) Считаемъ необходимымъ исправить слѣдующую погрѣшность: получивъ отъ Ад. П. Чеботарева статью: «Донъ и донцы» и отдавъ ее въ наборъ: мы упустили изъ виду заключавшіяся въ письмѣ Адама Петровича слова «статья эта есть выдержки изъ дорожныхъ записокъ пріятеля моего, пѣхотнаго кавказскаго офицера, предоставившаго въ мое полное распоряженіе эти очерки моей родины, набросанные въ двукратный проѣздъ его по Донской области».

Такимъ образомъ—какъ первая статья, такъ настоящая и слѣдующая за ней—(«Донъ и донцы») не принадлежатъ перу Ад. П. Чеботарева, онѣ лишь сообщены имъ на страницы нашего изданія. Ред.

сколько при этомъ сократилось противу прежняго денежныхъ издержекъ для путешественника; сколько устранилось для него неудобствъ отъ недостатка средствъ на пріобрѣтеніе экипажа; сколько выигралъ онъ и для здоровья, и для спокойствія—сидя въ закрытомъ вагонѣ, а не трясясь на перекладной подъ дождемъ и снѣжною метелью, плавно катясь по рельсамъ и не безпокоясь о трудныхъ и небезопасныхъ переправахъ черезъ рѣки и овраги, во время ледохода и весенней распутицы.

Все это промелькнуло въ моихъ мысляхъ, когда я, въ концѣ мая 1877 года, въ Воронежѣ, сѣлъ въ весьма комфортабельный вагонъ 1-го класса воронежско-ростовской желѣзной дороги. Чрезъ $12^1/_2$ часовъ я уже былъ снова на границѣ земли донскихъ казаковъ; но не въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ въ 1851 году въѣзжалъ на донскую территорію: желѣзный путь отъ Воронежа положенъ далеко вправо отъ бывшаго почтоваго пути, и первая казачья станица по желѣзному пути уже не при Донѣ, а при рѣкѣ Донцѣ, и называется «Каменская». Въ ней имѣютъ пребываніе атаманъ втораго военнаго отдѣла Донскаго казачьяго войска и окружное гражданское управленіе Донецкаго округа (уѣзда).

На Каменской станціи сѣлъ въ вагонъ ко мнѣ молодой человѣкъ—офицеръ Донскаго войска, ѣхавшій также въ Новочеркаскъ. Офицеръ этотъ оказался очень любезнымъ сопутникомъ и человѣкомъ образованнымъ. Отъ него, впродолженіе четырехъ часовъ пути, я узналъ многое о теперешнемъ состояніи его родины, что̀ и вношу въ мои записки.

«Въ настоящее время общаго благоустройства донскаго края, нельзя было оставить у донцовъ всѣ обычаи ихъ старины, потому что многіе изъ нихъ имѣли мѣсто только въ эпоху дикой вольности казацкой. Прежде у казака не было ни крова, ни возможности заняться какимъ-либо домашнимъ хозяйствомъ, и онъ стрѣлою влеталъ въ сосѣдственные улусы татаръ, въ улицы богатаго Азова, громилъ за морями прибрежныхъ жителей Крыма и Анатоліи, и возвращался съ богатыми средствами къ жизни. Теперь у него другіе, обильные источники и способы къ существованію: тучныя пажити, лошади, скотъ, овцы, соль, каменный уголь, виноградъ. Прежде онъ учился войнѣ въ разгулѣ бушевавшихъ вокругъ него военныхъ бурь; теперь, когда бури эти давно уже утихли, онъ черпаетъ уроки военнаго дѣла изъ изустныхъ разсказовъ дѣда, отца, бывалыхъ людей, и дитя едвали не съ молокомъ матери всасываетъ эти идеи и усвоиваетъ ихъ себѣ, какъ главный и необходимый элементъ его жизни. По всему этому, въ настоящее время, Правительство организовало весь

бытъ донцовъ уже сообразно съ бытомъ цѣлой имперіи; войсковое управленіе примѣнило къ общимъ законамъ государства; самое военное устройство донскихъ полковъ подвело подъ формы устройства всѣхъ полковъ арміи; неприкосновеннымъ же оставило только то, что неразрывно связано съ нарочитою, вѣковою особенностію образа службы казаковъ и съ ихъ назначеніемъ въ рядахъ русской рати, а въ домашнемъ быту оставило неприкосновеннымъ то, что составляетъ, такъ сказать, патріархальную часть ихъ нравовъ и обычаевъ.

«Такимъ образомъ,—продолжалъ мой сопутникъ,—такимъ образомъ, всѣ общеполезныя реформы, дарованныя нашему отечеству нынѣшнимъ царствованіемъ, распространились и на войско Донское: въ немъ такъ же, какъ и во всемъ государствѣ, помѣщичьи крестьяне освобождены отъ крѣпостнаго состоянія, съ земельнымъ надѣломъ; на территоріи донскихъ казаковъ есть уже и мировыя, и нотаріальныя учрежденія, а въ городѣ Новочеркаскѣ и въ станицѣ Устьмедвѣдицкой существуютъ окружные суды. И часть народнаго просвѣщенія въ средѣ донскихъ казаковъ получила теперь гораздо бо́льшее развитіе: Донское войско содержитъ на счетъ своихъ войсковыхъ капиталовъ въ московскомъ и харьковскомъ университетахъ—43 стипендіатовъ; въ академіяхъ медико-хирургической и земледѣльческой, въ институтахъ: горномъ, межевомъ, путей сообщенія, технологическомъ, ветеринарномъ и въ училищахъ: строительномъ, лѣсномъ, Лисинскомъ и Могарычскомъ—54 стипендіатовъ; въ военныхъ гимназіяхъ—77 стипендіатовъ; на донской территоріи существуютъ уже 2 классическія мужскія гимназіи, 2 гимназіи женскія, 5 прогимназій, 5 окружныхъ училищъ, 156 мужскихъ приходскихъ училищъ, 16 женскихъ училищъ 3-го разряда и 146 сельскихъ школъ; есть на Дону учительская семинарія, есть два реальныхъ училища, есть и фельдшерская школа; не говоря уже о давно существующемъ въ г. Новочеркаскѣ Маріинскомъ институтѣ, успѣвшемъ принести громадную пользу для края выпускомъ образованныхъ дѣвицъ, содѣлавшихся потомъ примѣрными матерями-хозяйками, а также не говоря и о новочеркаскомъ урядничьемъ училищѣ, ежегодно дающемъ для донскихъ полковъ значительный контингентъ хорошо приготовленныхъ для службы офицеровъ. На Дону существуютъ учебныя заведенія и для лицъ духовнаго званія, а именно: донская семинарія и два духовныхъ училища. Вообще, на народное образованіе своего края войско Донское жертвуетъ изъ своихъ капиталовъ ежегодно не менѣе 250,000 руб. сер.

«На Донское войско распространенъ также и уставъ о всеобщей воинской повинности, и донскіе казачьи полки—теперь уже вполнѣ благоустроенные по организаціи своей, по фронту и по полковому хо-

зяйству. Въ настоящее время войско Донское обязано имѣть въ постоянной готовности къ службѣ: 2 полка гвардіи, 60 армейскихъ конныхъ казачьихъ полковъ, 1 гвардейскую и 21 армейскую конноартиллерійскихъ батарей [1]). Остальная численность казачьяго народонаселенія донскаго края (381 тыс. чел. мужескаго пола) должна составлять запасный контингентъ для защиты государства и содержать всѣ потребные для донской территоріи караулы, разъѣзды и посты. При этомъ и самый образъ службы донскихъ армейскихъ полковъ измѣнился къ лучшему: теперь они служатъ не отдѣльно каждый изъ нихъ, а во фронтѣ регулярныхъ кавалерійскихъ дивизій (въ каждой дивизіи 3 полка регулярной кавалеріи и 1 полкъ Донской казачій), да сверхъ того есть одна особая, собственно Донская казачья дивизія, изъ четырехъ полковъ. Кстати замѣчу, — заключилъ разсказъ мой спутникъ,—что Донское войско выслало уже нынѣ на службу государству оба гвардейскіе полка свои, 39 полковъ армейскихъ и всѣ свои 22 артиллерійскія батареи.

Чрезъ территорію донскихъ казаковъ теперь лежитъ уже нѣсколько паровыхъ желѣзныхъ дорогъ, а именно: воронежско-ростовская, на пространствѣ, собственно по донскимъ землямъ, 280 верстъ; грязецарицынская на 250 вер.; харьково-азовская на 140 вер.; волгодонская на 40 верстъ. Сверхъ того есть нѣсколько соединительныхъ рельсовыхъ вѣтвей отъ упомянутыхъ дорогъ съ торговыми и промышленными пунктами донской земли, да еще предполагается провести рельсовый путь отъ донской Калачевской пристани къ Лисичанскимъ пріискамъ каменнаго угля и къ Луганскому литейному заводу.

Воронежско-ростовская желѣзная дорога проходитъ близко отъ Грушевскихъ рудниковъ каменнаго угля, а отъ желѣзно-дорожной станціи Максимовки, не доѣзжая до Новочеркаска 30 верстъ, отдѣляются вѣтви до главныхъ мѣстъ разработки этого минерала—Грушевки и Атюкты. Теперь каменноугольный промыселъ на Дону принялъ уже значительные размѣры, и угля добывается не менѣе 25 милл. пудовъ въ годъ.

Да, нельзя не согласиться съ вѣрованіемъ моего спутника, что родинѣ его предстоитъ блестящая будущность и что она быстро разовьетъ свой экономическій бытъ—это и теперь уже доказывается многими данными, а также и тѣмъ, что «донское торговое общество», состоявшее изъ 500 лицъ, возрасло до 1 тысячи человѣкъ, да и такая, дозволенная цифра его состава не исчерпываетъ еще цифры желающихъ поступить въ это общество.

---

[1]) Учебный и рабочій полки упразднены. Авт.

II.

Новочеркаскъ. — Общій взглядъ на него и нѣкоторыя его особенности. — Историческія свѣдѣнія объ атаманахъ войска Донскаго за трехсотлѣтнее существованіе войска.

Не видѣвши города Новочеркаска съ 1851 года и въѣзжая въ него чрезъ 26 лѣтъ, я, на каждомъ шагу, поражался удивленіемъ къ громадной въ немъ за это время перемѣнѣ къ лучшему: всюду новые, весьма хорошей архитектуры, большіе дома; тамъ и сямъ красуются вывѣски большихъ гостинницъ, модныхъ магазиновъ, фотографическихъ кабинетовъ, кондитерскихъ, булочныхъ и другихъ заведеній, вызываемыхъ современною потребностью общественной жизни. Всѣ новочеркаскія улицы хорошо вымощены камнемъ и содержатся чисто; извощичьихъ дрожекъ много и—довольно приличныхъ; городъ освѣщается фотогеномъ, но говорятъ, что нынѣшнее освѣщеніе требуетъ еще многихъ улучшеній, тѣмъ болѣе, что обиліе близь Новочеркаска каменнаго угля могло бы дать ему и газовое, недорогое освѣщеніе.

Противъ дворца Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, въ которомъ помѣщается войсковой наказный атаманъ, находится нынѣ памятникъ знаменитому донскому атаману, графу Платову. Памятникъ этотъ поставленъ въ 1853 году и представляетъ героя отечественной войны въ развѣвающейся буркѣ, съ гетманскою булавою въ одной и съ обнаженною саблею въ другой рукѣ, устремляющимся съ возставшимъ народонаселеніемъ Дона въ сѣчу на нахлынувшихъ враговъ Россіи. Долго, въ раздумьи, стоялъ я предъ этимъ изображеніемъ; въ головѣ моей промелькнули всѣ событія славнаго 1812 года и въ памяти пронеслись строфы В. А. Жуковскаго изъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ».

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышатъ селы!

И что̀ теперь этотъ «вихорь-атаманъ»?... Прахъ его покоился у стѣнъ начатаго имъ, но доселѣ еще неконченнаго, соборнаго храма г. Новочеркаска; а года два-три тому назадъ, оставшіеся потомки донскаго витязя пожелали перенести его прахъ на бывшую въ пяти верстахъ отъ Новочеркаска мызу знаменитаго атамана, на которой онъ и жилъ на родинѣ во все время отдохновенія отъ военныхъ бурь. Говорятъ, что когда приступили къ перенесенію изъ Новочеркаска на Мышкинскую мызу останковъ донскаго героя, то нашли гробъ его развалившимся и въ этомъ гробу черепъ, да нѣсколько костей, да остатокъ одного эполета... Мнѣ разсказывали, что этотъ сказочный богатырь, сломленный тяжкимъ недугомъ и тщетно боровшійся съ нимъ, произнесъ въ послѣднюю свою минуту: «слава, слава! гдѣ ты, и на что̀ теперь пригодилась мнѣ?». Такъ говорилъ умирающій и истомленный физическими страданіями человѣкъ, но человѣкъ этотъ былъ герой; имя и дѣла его не умерли и никогда не умрутъ во славу отечества и въ назиданіе будущихъ поколѣній русскихъ воиновъ.

Городъ Новочеркаскъ теперь имѣетъ здоровую воду и въ большомъ количествѣ: 15 лѣтъ тому назадъ она проведена сюда изъза 30-ти-верстнаго разстоянія. Въ городъ, находящійся на довольно возвышенномъ мысѣ, она поднимается паровою машиною и наполняетъ устроенные въ нѣсколькихъ пунктахъ большіе резервуары, изъ которыхъ течетъ по трубамъ, положеннымъ на многихъ улицахъ, а также и въ городской садъ, нынѣ весьма разросшійся и составляющій лучшее гулянье для новочеркаскихъ жителей. Водопроводъ этотъ, ежедневно дающій 100,000 ведръ воды, и стоющій Донскому войску болѣе 600,000 руб. сер., устроенъ инженерами—барономъ Дельвигомъ и Бѣлелюбскимъ.

Имѣя возможность пробыть въ Новочеркаскѣ нѣсколько дней, я осмотрѣлъ въ немъ все замѣчательное, и повторю еще разъ: этотъ городъ—одинъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ нашихъ; все въ немъ показываетъ полное усвоеніе цивилизованной жизни и требуемыхъ ею условій и удобствъ. Существующія въ Новочеркаскѣ учебныя заведенія носятъ характеръ, какой требуется современнымъ положеніемъ края и его народнымъ бытомъ; тѣмъ же требованіямъ отвѣчаютъ судебныя и административныя мѣстныя учрежденія, а общественная жизнь развилась уже до общаго уровня съ извѣстными по развитію городами нашими; въ этомъ я вполнѣ убѣдился, побывавъ въ новочеркаскомъ дворянскомъ собраніи и въ купеческомъ клубѣ, а также познакомясь съ нѣсколькими здѣшними домами, въ которыхъ нашолъ самое обязательное радушіе и чисто русское хлѣбосольство. Впрочемъ, общему развитію донскихъ казаковъ нельзя и удивляться—по большому

числу существующихъ на ихъ территоріи учебныхъ заведеній, по обилію для донцовъ стипендій во многихъ высшихъ образовательныхъ учрежденіяхъ на мѣстные общественные капиталы, и, наконецъ, потому, что служба донцовъ на всѣхъ предѣлахъ имперіи представляетъ имъ случаи видѣть и заимствовать для себя и для своего домашняго быта всякія разумныя улучшенія.

Написавши эти строки, я счелъ умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующій любопытный разсказъ одного изъ интеллигентныхъ лицъ новочеркаскаго общества.

У извѣстнаго въ свое время литератора, Петра Романовича Фурманна, былъ, въ 1851 году, по какому-то случаю, званый обѣдъ. На обѣдѣ этомъ, въ числѣ другихъ гостей, находились—Гречъ, Булгаринъ, Кукольникъ, Мосальскій и полковникъ Донскаго войска. За столомъ витійствовалъ Н. И. Гречъ, размашисто рисуя высокую цивилизацію народовъ Западной Европы. Среди заобѣденныхъ тостовъ, хозяинъ предложилъ тостъ и за присутствующаго донца. Послѣ этого тоста Гречъ обратился къ донскому полковнику съ вопросомъ:

— «А что—какъ теперь поживаютъ на Дону? Начинаютъ ли исчезать кочевья? Дѣлаетъ ли успѣхи христіанская проповѣдь? И, вообще, показываются ли на Дону какія-нибудь начала европейской жизни?»

Донской полковникъ, видимо, смутился; лицо его выразило крайнее недоумѣніе... Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, онъ, дрожащимъ отъ сильнаго волненія голосомъ, произнесъ:

— Извините меня, Николай Ивановичъ; но я, въ свою очередь, хочу сдѣлать вамъ вопросъ—серіозно ли вы спрашиваете меня, или хотите шутить? Къ подобной шуткѣ я не вижу никакихъ побудительныхъ причинъ. Стало быть, вы спрашивали серіозно... И поэтому я не могу не высказать того, что чувствую теперь... Вы изъѣздили всю Европу, вы такъ глубоко изучили бытъ и нравы всѣхъ ея народовъ, вы такъ подробно описали всѣ закоулки Германіи, а вовсе не знаете даже замѣчательныхъ областей «нашего» отечества, для сыновъ котораго вы написали и грамматику ихъ языка... Повторяю, что если вы спрашивали меня о нынѣшнемъ состояніи Дона «серіозно», то я вамъ отвѣчу, что нынѣшніе донцы вполнѣ осѣдлые, вполнѣ русскіе люди, русскіе люди не только по происхожденію, по религіи, по языку, по жилищамъ ихъ и нравамъ, но даже и по уровню цивилизаціи со всѣми обитателями русскихъ губерній...

Гречъ вскочилъ съ своего мѣста и разсыпался въ извиненіяхъ. «Да,—говорилъ онъ,—я кругомъ виноватъ. Я, вообще, бываю иногда самымъ непозволительнымъ болтуномъ. Да вотъ приведу вамъ и до-

казательство этого: пріѣхалъ я въ Вѣну, остановился въ большомъ отелѣ; хожу по Вѣнѣ день, другой, третій. Сижу однажды за table d'hôte и слышу между сосѣдями своими восхваленія всезнанію вѣнской полиціи—я не выдержалъ и разразился возраженіями противъ ея всезнанія. «Я нѣсколько дней уже въ Вѣнѣ,—говорю я,—хожу по Вѣнѣ, разсматриваю ея примѣчательности, брожу по улицамъ, по магазинамъ, по рынкамъ; а вѣнской полиціи словно и нѣтъ на свѣтѣ, она и не знаетъ обо мнѣ, она не спрашивала у меня паспорта, не сдѣлала даже и вопроса—кто я!» Тогда сидѣвшій подлѣ меня прилично одѣтый господинъ вынулъ изъ своего боковаго кармана записную книжку и, перевернувши въ ней нѣсколько листковъ, показалъ мнѣ слѣдующую отмѣтку: «Гречъ—русскій литераторъ; безвредный болтунъ; не обращать на него вниманія». Я покраснѣлъ. Молча возвратилъ записную книжку любезному сосѣду своему и—до конца обѣда не промолвилъ уже ни одного слова».

Этотъ разсказъ Греча покрытъ былъ взрывомъ смѣха всѣхъ гостей Фурманна.

Въ Новочеркаскѣ я слышалъ также слѣдующій случай съ другимъ писателемъ нашимъ, Нест. Вас. Кукольникомъ.

Въ 1847 году, Кукольникъ, служившій тогда въ военномъ министерствѣ, пріѣхалъ въ Новочеркаскъ по служебному порученію военнаго министра, князя Чернышева, и, благодаря своей литературной извѣстности, былъ радушно принятъ новочеркаскимъ обществомъ. По примѣру Пушкина, написавшаго въ 1829 году, при проѣздѣ своемъ съ Кавказа чрезъ Донъ, извѣстный великолѣпный экспромтъ этой исторической рѣкѣ [1]), Кукольникъ сочинилъ и свой экспромтъ Дону. Экспромтъ этотъ былъ слѣдующій:

«Здорово, Донъ сѣдой! Здорово, Донъ унылый!
Какъ родина моя, ты мнѣ сталъ святъ и милъ;
Я полюбилъ тебя со всей казацкой силой;
Печали всѣ твои къ душѣ своей привилъ...
Казацкая была страшна когда-то сила:
Донскими лодками ты пѣнилъ Черный Понтъ,
И кланялись тебѣ Азовъ и Трапезонтъ...
Но ты разбогатѣлъ, и зависть страхъ смѣнила...

---

[1]) «Блеща средь полей широкихъ,
Вотъ онъ льется... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далёкихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ» (и проч.)

И сочнымъ гроздіемъ, и рыбой, и виномъ,
И углемъ каменнымъ, и солью, и скотомъ
Богатъ ты, старый царь Азовскаго поморья!
Тебѣ не надобно сторонняго подспорья!..
Богатъ... а самъ въ нуждѣ...
Тебѣ одна бѣда предшествуетъ бѣдѣ...
Какъ трупъ въ степи лежишь...
Какъ у младенца спитъ твоя простая совѣсть...
Бредешь ты нищенкой и про себя ворчишь
Геройскихъ дѣлъ и бѣдъ страдальческую повѣсть...
Я вслушался въ нее; она вездѣ со мной;
Несу ее въ себѣ, и донесу къ потомкамъ..
Всплесни же, старый Донъ, могучею волной;
Благословенье дай казачества обломкамъ...
Вѣдь ты—предъ смертію, твой часъ послѣдній бьетъ,
И твой свершается предѣлъ, его никто же не прейдетъ...

Экспромтъ свой Кукольникъ продекламировалъ за ужиномъ, среди довольно большаго общества, въ домѣ одного изъ жителей Новочеркаска, и произвелъ на присутствующихъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе.

Утромъ слѣдующаго дня узналъ уже объ этомъ экспромптѣ и тогдашній атаманъ, Власовъ. Маститый старецъ былъ пораженъ такою безтактною выходкою радушно принятаго донцами гостя-поэта и—немедленно послалъ за нимъ.

«Какъ это вы позволили себѣ, вчера, въ обществѣ донцовъ, рисовать такую мрачную и совершенно невѣрную картину теперешняго состоянія Дона?»—строго сказалъ атаманъ Власовъ Кукольнику. «Ты влачишь дни въ нуждѣ!» «Ты бредешь нищенкой!» «Тебѣ не нужно сторонняго подспорья!» «Ты—передъ смертію!» «Дай благословеніе обломкамъ казачества!»....—Что это вы наговорили? Да знаете ли вы, милостивый государь, что всѣ эти ваши слова могутъ родить массу различныхъ толковъ въ народѣ, патріархально живущемъ вдали отъ столицы и видящемъ въ присланномъ изъ министерства чиновникѣ человѣка, которому извѣстны виды правительства къ какимъ-либо перемѣнамъ въ нашемъ краѣ?»

Кукольникъ совершенно растерялся и могъ проговорить только:

— Ничего, рѣшительно ничего не слыхалъ я въ министерствѣ ни о какихъ перемѣнахъ для Дона... извините!.. простите!.. Это продекламировалъ я такъ... изъ одной поэтической фантазіи и... бывши въ возбужденномъ состояніи отъ донскаго вина...

— «Извольте же, милостивый государь, сего же дня, вечеромъ, въ томъ же самомъ домѣ и среди того же, вчерашняго, общества, сознаться—что вся эта декламація была только ваша, «возбужденная донскимъ

виномъ» поэтическая фантазія, не имѣющая ни малѣйшей для себя основы; а я попрошу хозяина дома пригласить къ себѣ и сегодня вчерашнихъ гостей его».

Такъ всё и состоялось. Экспромптъ сконфуженнаго Кукольника канулъ, безслѣдно, въ Лету.

Собирая въ Новочеркаскѣ дополнительныя свѣдѣнія о заинтересовавшемъ меня, въ двѣ мои поѣздки, Донскомъ краѣ, я узналъ, что нынѣ земля донскихъ казаковъ переименована въ «область войска Донскаго». Войсковое правленіе войска Донскаго носитъ уже названіе «Областнаго правленія», войсковое дежурство называется «Войсковымъ штабомъ», окружные генералы донскихъ военныхъ округовъ переименованы въ «атаманы военныхъ отдѣловъ», и самое военное управленіе войска раздѣлено не на четыре,—какъ было прежде,—а на пять военныхъ отдѣловъ. Узналъ я также, что Донская область въ отношеніи своего народонаселенія представляетъ нынѣ и бо́льшую числительность, и бо́льшее разнообразіе его сословій. Такъ, въ прежнія времена, на донской территоріи обитало исключительно казачье населеніе,—потомъ, съ появленіемъ въ средѣ его дворянства, стали пріобрѣтаться этимъ новымъ сословіемъ крестьяне, а нынѣ, съ развитіемъ въ Донскомъ краѣ торговли, съ улучшеніемъ въ немъ путей сообщенія и со введеніемъ общихъ судебныхъ, мировыхъ и нотаріальныхъ учрежденій, на Дону обитаютъ уже лица всѣхъ сословій государства и даже иностранные подданные. Теперь народонаселеніе Донской области простирается до 1,300,000 человѣкъ обоего пола; область ежегодно производитъ до трехъ милліоновъ четвертей хлѣба.

Въ Новочеркаскѣ мнѣ удалось также получить свѣдѣніе о всѣхъ атаманахъ донскихъ казаковъ за время болѣе трехсотлѣтняго существованія этого войска. Считая это свѣдѣніе вполнѣ интереснымъ, я привожу его здѣсь въ той формѣ, въ какой оно мнѣ передано, но нахожу нужнымъ пояснить, что въ прежнія времена (до 1738 г.) донскіе казаки избирали себѣ войсковыхъ атамановъ сами, опредѣленіемъ «войсковаго круга», на одинъ, на два, или на три года, и часто, отправляясь въ какую-либо военную экспедицію, атаманъ самъ предводительствовалъ ею; если же отрядъ экспедиціи раздѣлялся на двѣ, или болѣе частей, то отдѣляющіяся части избирали изъ своей среды особыхъ для себя атамановъ, а на Дону, во всякомъ случаѣ, оставался войсковой атаманъ кромѣ того, который пошолъ въ походъ съ казаками. Бывали, впрочемъ, и такіе случаи, что живущіе въ верхнихъ по р. Дону городкахъ казаки, изъ совмѣстничества къ преобладающему вліянію казаковъ нижнихъ по Дону го-

родковъ, избирали себѣ другихъ войсковыхъ атамановъ, изъ лицъ своихъ же городковъ.

Вотъ полученное мною свѣдѣніе объ атаманахъ Донскаго войска, съ 1544-го года по настоящее время:

Съ 1544 по 1566 г. Павловъ и Ляпунъ.

Подъ ихъ начальствомъ донцы участвовали съ россійскими войсками въ покореніи царства Астраханскаго.

1569 и 1570 года. Михаилъ Черкашенинъ.

При немъ, въ 1570 году, пожалована донскимъ казакамъ первая похвальная царская грамата, и началось, признанное россійскими государями, историческое существованіе войска Донскаго.

Съ 1579-го года. Ермакъ Тимофѣевичъ. (Утонулъ въ Иртышѣ въ 1584 г.). Предводительствуя нѣсколькими донскими отрядами, онъ громилъ, по волѣ Іоанна IV, ногайскіе улусы и своими успѣхами навелъ на нихъ такой страхъ, что они выслали пословъ просить у царя пощады; но, упоенныя успѣхами, Ермаковскія дружины обратили уже свое оружіе и на всё, что встрѣчалось имъ на берегахъ и водахъ Волги, такъ что подручные Ермака, Кольцо и Барбоша, напали на возвращавшихся изъ Россіи татарскихъ пословъ и ограбили не только ихъ, но и ѣхавшаго съ ними царскаго посла, Пелепелицина. Іоаннъ Грозный приказалъ тогда своимъ войскамъ «устремиться на Ермаковскія дружины и уничтожить ихъ, а кто будетъ захваченъ живымъ—казнить». Устрашенный царскимъ гнѣвомъ, Ермакъ отдалился съ своими буйными дружинами отъ береговъ Волги; но вскорѣ получилъ приглашеніе братьевъ Строгановыхъ загладить свои проступки честнымъ дѣломъ, собралъ свои дружины, убѣдилъ ихъ въ преступности дѣйствій и заключилъ свою рѣчь словами: «слывя ворами—не найдемъ мы спокойнаго убѣжища на землѣ; а отринутые Богомъ—не узримъ царствія небеснаго; смоемъ же пятно наше или честною службою, или славною смертію!». Всѣ дружины загремѣли:—идемъ, идемъ на помощь Строгановымъ!—и 540 удальцовъ, поднявъ знамя свое, ринулись къ Чусовымъ городкамъ совершать славный, историческій подвигъ покоренія царства Сибирскаго россійскому скипетру.

Съ 1581 по 1584 годъ. Иванъ Кишкинъ.

Извѣстенъ своею твердою вѣрностію царю, когда на Донъ врывались шайки польскихъ разбойниковъ, грабили все, что встрѣчалось имъ, и старались увлечь къ тому же и донскихъ казаковъ въ отношеніи набѣговъ на русскія украйны.

Съ 1584 по 1596 годъ упоминаются въ актахъ одновременно: Семенъ Воейковъ, Ѳедоръ Смирной, Василій Жигулинъ, Иванъ

Носъ, Иванъ Трубецкихъ, Василій Кабанъ, Прокофій Трубченинъ, Никита Болдырь, Афанасій Савастьяновъ.

Нѣкоторые изъ этихъ атамановъ оказали особыя услуги государству; такъ, въ 1591 году, когда 150-ти-тысячная рать татаръ (ногайскихъ, султанскихъ, азовскихъ и бѣлгородскихъ), предводительствуемая крымскимъ ханомъ, спѣшно шла къ Москвѣ, чтобы неожиданно напасть на нее, разграбить и предать все огню и мечу,—тогда донскіе атаманы, Смирной и Жигулинъ, схватившіе у татаръ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и отъ нихъ узнавшіе о силѣ непріятеля и объ умыслѣ его на Москву, поспѣшили извѣстить о томъ царя,ославъ къ нему гонцовъ своихъ разными окольными путями, а чрезъ это царскія войска имѣли время приготовиться къ встрѣчѣ непріятеля, разбили его на голову и преслѣдовали бѣгущія толпы его далеко за черту русскихъ владѣній. Такъ и въ 1594 году, извѣстясь, что турки изъ Азова и татары изъ Крыма пошли на россійскія украйны, донскіе атаманы—Трубченинъ, Болдырь и Савастьяновъ—бросились нѣсколькими отдѣльными отрядами заградить непріятелю обратный путь, разбили его и отняли болѣе 600 русскихъ плѣнныхъ. Въ этотъ же періодъ времени, донцы, тайно поощряемые отъ нашего двора, безпрерывно устремлялись на крымскіе улусы, чтобъ останавливать ихъ воровскія предпріятія на наши украйны.

Съ 1603 по 1613 годъ. Андрей Корело и Михаилъ Чершенскій.

Цари, Іоаннъ Грозный и Ѳедоръ Іоанновичъ, вполнѣ сознавали пользу, приносимую государству бдительностью на его границахъ донскихъ казаковъ отъ вторженія въ наши предѣлы турецкихъ и татарскихъ ордъ, и поэтому не только извиняли нѣкоторые случаи ихъ своевольства, но даже ласкали ихъ и жаловали деньгами, сукнами, хлѣбомъ, порохомъ и свинцомъ. Вся эта система отношеній нашего двора къ донцамъ совершенно измѣнилась съ воцареніемъ Бориса Годунова: онъ прекратилъ имъ и жалованье, и дары, строго запретилъ въѣздъ въ Москву и во всѣ россійскіе города и, наконецъ, для угрозы имъ, построилъ на р. Донцѣ укрѣпленный городъ Царево-Борисовъ. Въ такомъ отчужденномъ и обидномъ положеніи находились донскіе казаки, когда явился въ Польшѣ самозванецъ подъ именемъ царевича Димитрія. Руководимый поляками, знавшими о принятой Годуновымъ строгости надъ донцами, онъ послалъ на Донъ своего гонца съ граматою, «что онъ истинный сынъ перваго царя русскаго, которому донцы, эти вольные христіанскіе витязи, присягнули въ вѣрности; что у него похищенъ престолъ измѣною и злодѣйствомъ», и звалъ ихъ «свергнуть недостойнаго раба съ отеческаго трона».

Эта грамата потрясла сердца донцовъ изумленіемъ и радостью, но и тогда, боясь обмана, они рѣшили, чтобы самъ атаманъ ихъ, Корело, отправился въ Польшу провѣдать все о царевичѣ, на мѣстѣ. Видя въ Краковѣ, на сеймѣ, отъ всѣхъ польскихъ вельможъ и отъ самого короля, Сигизмунда, царскія почести, оказываемыя царевичу, Корело не усомнился признать его истиннымъ сыномъ царя русскаго и билъ челомъ ему, какъ законному государю. По возвращеніи на Донъ, Корело объявилъ въ «войсковомъ кругу» о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ Польшѣ относительно царевича, и «кругъ» рѣшилъ: «поднять все казачье населеніе, чтобъ возвести сына царскаго на отчій престолъ». Немедленно же Корело отправился, съ 6-ю тысячами казаковъ, на встрѣчу мнимому царевичу, а потомъ пришелъ къ нему и другой донской атаманъ, Михаилъ Чершенскій, съ новымъ отрядомъ казаковъ, въ 4 тысячи человѣкъ.

Къ несчастію, въ 9-ти-лѣтній періодъ смутъ, удручавшихъ Россію отъ появленія нѣсколькихъ самозванцевъ, донскіе казаки также увлекались общимъ тогда народнымъ смятеніемъ и, проникаясь приверженностію къ царскому дому, принимали сторону то одного, то другаго самозванца, пока атаманъ Чершенскій не убѣдился, что они защищаютъ наглыхъ обманщиковъ. Пришедши къ такому убѣжденію, Чершенскій первый оставилъ сторону самозванцевъ и ушелъ со своими казаками на Донъ, когда войска русскія еще сражались за самозванцевъ; узнавши же объ единодушномъ избраніи, боярами и народомъ, царемъ—Михаила Ѳеодоровича Романова, Чершенскій тотчасъ послалъ въ Москву, по старому обычаю, легковую станицу—бить челомъ государю отъ всего Донскаго войска. Новый царь принялъ эту станицу весьма милостиво, щедро одарилъ ее и послалъ съ нею на Донъ похвальную грамату и жалованье, а митрополиты выразили Донскому войску, въ краснорѣчивой граматѣ, благословеніе духовенства всего вселенскаго собора.

Съ этого времени, т. е. со времени вступленія на россійскій престолъ дома Романовыхъ, донскіе казаки вполнѣ уже подчиняются царской власти и неуклонно слѣдуютъ всѣмъ ея указаніямъ въ отношеніи своей службы.

Съ 1613 по 1633 годъ. Епифанъ Родиловъ, Ѳедоръ Татаръ и Исай Мартемьяновъ.

Они поперемѣнно избирались въ атаманы «войсковымъ кругомъ» въ теченіе 20-ти лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени, хотя и была нѣсколько разъ прерываема мирная жизнь между казаками съ одной стороны и азовцами и крымцами съ другой, но всегда только вслѣдствіе край-

ней обиды, наносимой донцамъ ихъ буйными сосѣдями, неожиданно нападавшими на казачьи городки, грабившими ихъ, предававшими ихъ огню и увозившими въ плѣнъ захваченныхъ донскихъ обывателей. Въ эти же годы были и такіе случаи, что донцы, ожесточенные убійствами и грабежами мусульманъ, не довольствовались уже отплатою имъ взаимными набѣгами на Азовъ и Крымъ, но въ челнахъ своихъ переплывали чрезъ Черное море, брали съ боя города Синопъ и Трапезонтъ, жгли и раззоряли берега Анатоліи и даже окрестности самаго Константинополя. Эти подвиги ихъ, однакоже, возбуждаютъ сильныя жалобы султана. Тогдашнія политическія дѣла Россіи заставляютъ царя Михаила Ѳеодоровича объявить донцамъ свою опалу и задержать въ Москвѣ, въ заточеніи, присланную съ Дона легковую станицу съ повинною отъ казаковъ. Эту опалу царь вынужденъ былъ тѣми же политическими обстоятельствами продолжить почти два года (1631 и 1632); но, въ началѣ 1633 года, послалъ на Донъ милостивую грамату свою. Донцы приняли ее съ великою радостію и тотчасъ же послали въ Смоленскъ значительный отрядъ свой въ помощь царскимъ войскамъ къ походу въ Литву, а узнавши, что крымцы и казыевскіе татары пошли во множествѣ на россійскія украйны, поспѣшили имъ на встрѣчу, мужественно ринулись на нихъ въ бой, одержали побѣду и разсѣяли ихъ.

Съ 1633 по 1643 годъ. Иванъ Каторжный, Михайло Ивановичъ Татариновъ, Тимофѣй Яковлевичъ Яковлевъ, Наумъ Васильевичъ Васильевъ, Осипъ Петровичъ Петровъ.

Они такъ же, какъ и три послѣдніе предшественника ихъ, избирались «войсковымъ кругомъ» поперемѣнно въ теченіе десяти лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени донскіе казаки проявляли кипучую дѣятельность на пользу Россіи: они присоединились къ царскимъ войскамъ въ походѣ противъ казыевскихъ татаръ, разбили ихъ скопища на рѣкахъ Еѣ, Донцѣ и Кумѣ; дѣлали удачные поиски по Касшйскому морю и громили берега его; ходили наказать хищничествовавшихъ въ нашихъ предѣлахъ ногайскихъ татаръ; потомъ, оскорбленные набѣгомъ азовцевъ на донскіе городки, во время отсутствія своего въ походъ на ногаевъ, ринулись на стругахъ въ Азовское и Черное моря, раззорили и сожгли многія татарскія и турецкія селешя у Керчи, а также на румелійскомъ и анатолійскомъ берегахъ; наконецъ, напали на Азовъ, овладѣли этимъ гнѣздомъ всѣхъ тогдашнихъ крамольниковъ Россіи, послали легковую станицу къ царю съ этою радостною вѣстію и просили его о помощи войсками и боевыми снарядами для удержанія за россійскою державою этого важнаго города; но, когда

султанъ турецкій прислалъ, въ 1641 году, многочисленный флотъ и большія сухопутныя силы—турокъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, горскихъ черкесовъ, волоховъ, сербовъ, арабовъ и арнаутовъ—для отнятія у казаковъ Азова обратно, о помощи же отъ царя войсками не было никакихъ свѣдѣній:—то горсть донцовъ, подъ начальствомъ атамана Петрова, геройски выдержала извѣстное въ исторіи «славное азовское сидѣніе» и отстояла Азовъ, претерпѣвши, во время осады его, голодъ и страшную смертность не только отъ непріятельскаго огня, но и отъ заразы труповъ павшихъ товарищей своихъ. Однакожъ, политическія обстоятельства Россіи не дозволили царю Михаилу Ѳеодоровичу и на этотъ разъ воспользоваться геройскимъ пріобрѣтеніемъ донцами Азова и, по рѣшенію нарочито собраннаго на сей случай земскаго собора, царь отправилъ къ донцамъ, въ 1642 году, грамату, «чтобы они добровольно оставили Азовъ, такъ какъ сего требуетъ польза отечества, и что послушаніе ихъ будетъ новымъ доводомъ ихъ вѣрной службы». Донцы безпрекословно исполнили волю царя.

Съ 1643 по 1680 годъ, избирались войсковыми атаманами: Иванъ Каторжный, Осипъ Петровичъ Петровъ, Павелъ Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, Корнилій Яковлевичъ Яковлевъ, Логинъ Семеновъ и Михайла Самаренинъ.

Въ періодъ этотъ донскіе казаки совершили много удачныхъ походовъ, въ рядахъ царскихъ войскъ, противъ ейскихъ и терскихъ татаръ, противъ крымцевъ и даже противъ азовцевъ. Царь не только открыто уже покровительствовалъ имъ, но даже и подкрѣплялъ ихъ набранною по украинамъ вольницею, а потомъ сталъ посылать на помощь имъ и свое войско. Ободряемые успѣхами, донцы, въ этотъ періодъ, нѣсколько разъ предпринимали поиски и на Черное море: сжигали окрестности Синопа, Трапезонта и даже Константинополя; забирали въ плѣнъ и мужчинъ, и женщинъ, и, съ большою добычею возвращались на свою родину.

Въ этотъ же періодъ времени, донцы способствовали добровольному присоединенію калмыцкаго народа къ россійской державѣ, послѣ чего калмыки начали присоединяться къ казакамъ для совмѣстныхъ дѣйствій по царскому дѣлу; а такъ какъ турецкій султанъ и крымскій ханъ, для прегражденія набѣговъ донцовъ на воды Азовскаго и Чернаго морей, построили у устій рѣкъ Дона и Мертваго Донца сильныя крѣпости, то казаки успѣли прорыть для своихъ струговъ искусственный водяной путь, такъ называемый «казачій ерикъ».

Изъ вышеназванныхъ шести атамановъ, два особенно замѣчательны: Осипъ Петровъ, какъ герой славнаго «азовскаго сидѣнья», и Корнилій Яковлевъ, какъ вѣрный слуга царскій, съумѣвшій схватить, заковать и представить въ Москву злодѣя, Стеньку, Разина. Атаманство Корнилія Яковлева замѣчательно еще и тѣмъ, что при немъ, въ 1671 году, донцы въ первый разъ дали присягу «въ вѣрноподданствѣ» россійскому государю.

(Окончаніе слѣдуетъ).